

Чжун Гуаньбай честно рассказал о ситуации, и Цзи Вэньтай немного успокоился:

— Хорошо, тогда возвращайтесь скорее.

Он хотел объяснить ситуацию, но вдруг почувствовал, что не знает, с чего начать:

— Ты помнишь Хэ Иньской?

— Помню. А что? — спросил Чжун Гуаньбай.

— Старый Вэнь хочет встретиться с Хэ Иньской, но тот отказывается. Его менеджер выдвинул условие: ты должен сыграть с ним в фортепианную дуэль.

Чжун Гуаньбай усомнился, правильно ли расслышал:

— Что?

— Не сказал, согласится ли он на встречу в случае победы или поражения. Не знаю, что у этого парня на уме. — Цзи Вэньтай раздражённо махнул рукой, вспомнив о здоровье Вэнь Юэань и его упрямстве. — В общем, возвращайся скорее и не задавай лишних вопросов.

Цзи Вэньтай повесил трубку и вошёл в палату, обращаясь к Вэнь Юэань:

— На мой взгляд, этот парень держит обиду. Кто знает, почему твой ученик тогда его оскорбил.

— Если не хочет встречаться, то и не надо. Зачем говорить об этом Абай? — сказал Вэнь Юэань.

— Это Чжун Гуаньбай сам навлек на себя беду. Что плохого в том, чтобы вызвать его обратно?

Чжун Гуаньбай думал так же, как и Цзи Вэньтай. Ожидая рейса, он нашёл и посмотрел запись того эпизода программы, где он оценивал Хэ Иньской. Это был первый раз, когда он смотрел его полностью. Через некоторое время он нахмурился:

— Как они это смонтировали?

Лу Цзаоцю тоже заметил, что в монтаже были проблемы. Во многих моментах ответы Чжун Гуаньбая были показаны отдельными крупными планами.

— С точки зрения техники исполнения и выражения, он уступает мне, но не настолько, чтобы это было катастрофой. Я помню, что моя оценка тогда была резкой, но фразы «Это что, шутка?» и «Настоящая авария на сцене» вовсе не относились к Хэ Инью. Они сначала показали видео с катастрофическим исполнением. — Чжун Гуаньбай выключил видео. — Это скучно. Неужели этот парень действительно поверил в это?

Самолёт приземлился в Столичном аэропорту.

Чжун Гуаньбай заметил толпу журналистов, бросившихся к нему, и понял, что забыл надеть маску. Он схватил руку Лу Цзаоцю и прикрыл его собой.

В тот момент он осознал, что, вернувшись, он больше не будет свободен. Это было как оказаться в луже, кишящей пиявками, и ждать, пока они высосут последнюю каплю крови.

— Посторонитесь, посторонитесь!

Чжун Гуаньбай увидел, как из толпы пробивается невысокий человек с молодым лицом, одетый в форму, похожую на студенческую.

Человек пробился к Чжун Гуаньбаю, сначала почтительно поклонился тому, кто стоял позади:

— Главный Лу.

Затем подмигнул Чжун Гуаньбаю и протянул маску:

— Пойдёмте, сюда.

Чжун Гуаньбай заметил, что журналисты не последовали за ними:

— Тан Сяоли, как тебе это удалось?

— Ты должен быть мне благодарен, Чжун Гуаньбай. Я оставил Цинь Чжао в толпе журналистов, чтобы спасти вас. Видишь, по сравнению с Цинь Чжао ты просто захудалая звезда, зачем тебя интервьюировать?

Тан Сяоли немного поязвил, но в итоге остался доволен:

— Ну, куда едем? Я буду водителем.

Чжун Гуаньбай сказал, что нужно в больницу. Тан Сяоли знал, что слух Лу Цзаоцю ещё не восстановился, и не стал упоминать об этом, лишь скользнул взглядом по поясице Чжун

Гуаньбая:

— Что, с почками проблемы?

Чжун Гуаньбай взглянул на Лу Цзаоцю, желая заткнуть рот Тан Сяоли.

Тан Сяоли болтал без умолку за рулём, но, случайно увидев в зеркале заднего вида бесстрастное лицо Лу Цзаоцю, быстро сменил тему:

— Сейчас повсюду ходят слухи, что ты собираешься публично устроить фортепианную дуэль с Хэ Иньсюй. Что ты задумал?

— Тебе стоит спросить, что задумал он, — ответил Чжун Гуаньбай.

— Это странно. Из вас двоих ты явно выглядишь как коварный злодей, а он — как белая лилия.

Лу Цзаоцю, услышав это, сказал:

— Это не так.

Защищая своего любимого, Тан Сяоли в зеркале заднего вида покачал головой, выражая насмешку. Он отвёз их в больницу, а затем достал из багажника инвалидное кресло, которое Чжун Гуаньбай попросил его заказать. Оно могло автоматически подниматься и спускаться по лестницам.

— Пойду, спасти моего Цинь Чжао. Не забудьте угостить его ужином.

Тан Сяоли крикнул в окно машины.

Чжун Гуаньбай подошёл к двери палаты как раз в тот момент, когда Цзи Вэньтай завершал оформление выписки.

— Старый Вэнь хочет отправиться домой на восстановление, я не смог его переубедить, — сказал Цзи Вэньтай. — В это время ты будешь с ним.

Чжун Гуаньбай кивнул, открыл дверь и позвал:

— Учитель.

Лу Цзаоцю позвал:

— Господин Вэнь.

Вэнь Юэань, слушая музыку, опираясь на больничную кровать, поднял голову и, увидев Чжун Гуаньбай и Лу Цзаоцю, в глазах его появилось тепло:

— Абай и Цзаоцю, подойдите сюда.

Он внимательно посмотрел на них, затем слегка кивнул:

— Хорошо, очень хорошо.

Чжун Гуаньбай взял расчёску и аккуратно причесал волосы Вэнь Юэаня, затем перенёс его в инвалидное кресло и отвёз домой.

В то время Чжун Гуаньбай не мог успокоиться и каждый день проводил в доме Вэнь Юэаня. Вэнь Юэань обычно читал, писал в кабинете или играл на фортепиано внизу, мало разговаривая, но и не прогоняя его. Лу Цзаоцю тоже часто приходил, и они вместе играли спокойные мелодии.

Из-за здоровья Вэнь Юэаня Чжун Гуаньбай не смог сделать предложение в день начала осени, а Лу Цзаоцю не хотел отмечать день рождения.

Чжун Гуаньбай сделал два фонаря Конфуция, на одном написал «Здоровье», на другом — «Мир». Они с Лу Цзаоцю выпустили их во дворе Вэнь Юэаня.

Слова «Здоровье» и «Мир» плыли в чёрном ночном небе, свет фонарей дрожал, освещая их.

Чжун Гуаньбай обнял Лу Цзаоцю:

— Цзаоцю, ты будешь здоров и спокоен, учитель тоже.

— Ты тоже, мы все будем, — сказал Лу Цзаоцю.

Через несколько дней менеджер Хэ Иньской сообщил Чжун Гуаньбаю, что соревнование назначено на день середины осени, во второй половине дня. Они арендовали театр, билеты не продавались, но процесс будет транслироваться в прямом эфире.

Когда Вэнь Юэань услышал эту дату, его лицо внезапно изменилось.

— Учитель? — спросил Чжун Гуаньбай.

Вэнь Юэань ответил вопросом:

— Абай, что ты будешь играть?

Чжун Гуаньбай подумал:

— Первый выбор — «Зимний ветер» Шопена?

Вэнь Юэань не выразил согласия или несогласия. Он сел за фортепиано и тихо вздохнул, так, что только он сам мог услышать:

— Середина осени, середина осени... Это ты, я знаю, это ты.

Он долго смотрел на клавиши, рука его висела над ними, слегка сжимаясь и разжимаясь, затем опустилась, как будто лаская любимого человека.

Это была мелодия, которую Чжун Гуаньбай никогда раньше не слышал. Её мелодия была величественной и просторной, полной энергии, с оттенком рыцарского духа, словно она была адаптацией какой-то древней китайской мелодии, и её сложность даже превосходила «Зимний ветер».

Чжун Гуаньбай, прослушав её, несколько раз глубоко вздохнул:

— Учитель, это должно быть произведение для двух фортепиано?

— Когда-то давно, так и было.

Вэнь Юэань, закончив играть, выглядел постаревшим, в его глазах была усталость.

Чжун Гуаньбаю стало больно смотреть на это. Он не знал, почему Вэнь Юэань хочет встретиться с Хэ Иньсюй, и не смел спрашивать, но всё же именно из-за его прошлого конфликта с Хэ Иньсюй учитель всё ещё беспокоился, даже будучи больным.

— Учитель, я позвоню, — сказал Чжун Гуаньбай.

Вэнь Юэань понял его мысли и спокойно спросил:

— Кому?

Чжун Гуаньбай не ответил, лишь сказал:

— Это я поспорил с этим парнем.

— Что ты собираешься делать?

Тон Чжун Гуаньбая был очень похож на Цзи Вэньтая:

— Соревнование — это одно, но сначала нужно доставить этого парня сюда.

Как будто он сейчас собирался отправиться и связать Хэ Иньсюй.

Вэнь Юэань молчал некоторое время, затем тихо сказал:

— Абай, подожди.

Он поднялся наверх, взял нотную тетрадь и старую записную книжку, спустился и передал их Чжун Гуаньбаю:

— Этот ребёнок из семьи Хэ не хочет меня видеть, но это не из-за тебя.

Чжун Гуаньбай увидел на обложке нотной тетради три больших иероглифа:

«Ода осеннему ветру»

Сбоку от «Оды осеннему ветру» было написано:

Композитор Хэ Юйлоу

Чжун Гуаньбай открыл нотную тетрадь. Это была партитура для двух фортепиано, где каждая часть была обозначена как «Ань» или «Лоу».

— Учитель, ты хочешь, чтобы я сыграл «Оду осеннему ветру»? Учитель думаешь, что, сыграв это, я выиграю?

Вэнь Юэань посмотрел на слова «Хэ Юйлоу» на нотной тетради, его глаза стали мягкими, как у влюблённого юноши. Он очень тихо, слово за словом, произнёс:

— Нет, он выиграет.

— Тогда почему...

Чжун Гуаньбай замолчал, не договорив.

Выражение лица Вэнь Юэаня было слишком необычным, и Чжун Гуаньбай не осмелился больше ничего сказать, даже дыхание его стало тише, как будто малейший звук мог разрушить что-то, что окутывало Вэнь Юэаня.

<http://bllate.org/book/15543/1382915>